

== ПИТЕР УОТТС ==

== PETER ==
WATTS

MAELSTROM

== ПИТЕР ==
УОТТС

ВОДОВОРОТ

Перевод с английского
Николая Кудрявцева

Издательство АСТ
Москва

УДК 821(71)
ББК 84(7Кан)
У65

Peter Watts
MAELSTROM

Published by arrangement with Tom Doherty Associates.
All rights reserved.
Печатается с разрешения литературного агентства
Nova Littera SIA.

Перевод с английского: *Николай Кудрявцев*

В оформлении обложки использована
иллюстрация Василия Половцева

Дизайн обложки: *Василий Половцев*

ISBN 978-5-17-148708-9

MAELSTROM © 2001 by Peter Watts
© Николай Кудрявцев, перевод, 2018
© Василий Половцев, иллюстрация, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Для Лори

«И хоть мала, она душой свирепа».¹

¹ Цитата из комедии Уильяма Шекспира «Сон в летнюю ночь» (пер. М. А. Лозинского).

Вот бегемот, которого Я создал, как и тебя; он
ест траву, как вол.

Иов 40:15

Всякая плоть — трава.

Исайя 40:6

ПРЕЛЮДИЯ: МЕССИЯ

На следующий день после того, как Патриция Роуэн спасла мир, человек по имени Элиас Мерфи вновь заставил всколыхнуться ее совесть.

Едва ли она нуждалась в еще одном напоминании. На линзах и так бежал бесконечный перечень смертей и разрушений, пока даже приблизительное число потерь никто назвать не мог. Прошло всего шестнадцать часов; о масштабах разрушений до сих пор можно было лишь гадать. Но машины по-прежнему старались все учесть: столько-то миллионов жизней, столько-то триллионов долларов — как будто апокалипсис станет безобидным, если его разложить по полочкам.

«Может, так и будет», — размышляла Роуэн. Самые страшные чудовища всегда успевали исчезнуть до того, как включишь свет.

Она взглянула на Мерфи сквозь прозрачный дисплей в голове: человека скрывал поток данных, который он даже не видел. Но выражение его лицо само по себе несло информацию, и Патриция все сразу поняла.

Элиас Мерфи ненавидел ее. Для Элиаса Мерфи чудовищем была сама Роуэн.

ПРЕЛЮДИЯ

Она его не винила. Наверное, у него погиб кто-то из близких во время землетрясения. Но если он знал о приказе Роуэн, то понимал, каковы были ставки. Ни одно рациональное существо не стало бы винить кого-то за действия, продиктованные исключительно необходимостью.

Он, скорее всего, и не винил. С рациональной точки зрения. Но его ненависть коренилась где-то в спинном мозге, и Роуэн не держала зла на Мерфи.

— У нас нерешенная проблема,— спокойно сказал он.

«И не одна».

— Мем Бетагемота проник в Водоворот,— продолжил гель-жокей.— Он довольно долго висел в сети, но осязаемое влияние стал оказывать... только с появлением того геля, который вы...

Он замолк, не желая обвинять Роуэн прямо.

И спустя секунду начал снова:

— Я не знаю, как много вам уже рассказали о... сбое. Мы использовали гауссианский упреждающий алгоритм для достижения минимальных локальных пока...

— Вы научили умные гели защищать информацию от дикой фауны Интернета,— ответила Роуэн.— В результате каким-то образом они выработали правило, что в любой ситуации следует отдавать предпочтение простым системам, а не сложным. Мы, не сознавая того, предоставили одному из них выбор между микробом и биосферой, и он переметнулся на сторону врага. Однако мы вовремя вмешались. Не так ли?

— Вовремя,— эхом отозвался Мерфи. «Не для всех»,— добавили его глаза.— Но к тому времени он уже распространил мем по сети. Гель был связан с

Водоворотом, и, естественно, мог действовать автономно.

Роуэн перевела: «Чтобы убивать людей без всяких ограничений». Она все еще немного удивлялась тому, что Консорциум согласился наделить зельц настолько широкими полномочиями. Разумеется, на свете не существовало человека без предубеждений. Разумеется, никто не собирался доверять кому-то другому право решать, какие города надо сжечь для общего блага, пусть даже микроб угрожал всему миру. И все-таки: дать абсолютную власть двухкилограммовому куску культивированных нейронов? Ее до сих пор поражало то, что вся людоедская рать согласилась на такое.

Правда, мысль о том, что у гелей могут быть собственные предубеждения, никому в голову не пришла.

— Вы просили держать вас в курсе,— сказал Мерфи,— но на самом деле проблемы нет. Без геля это всего лишь сорный мем, и он сам сгорит через неделю или две.

— Неделю или две.— Роуэн вздохнула.— Вы понимаете, сколько урона нанес этот сорный мем за последние пятнадцать часов?

— Я...

— Он захватил подъемник, доктор Мерфи. Ему не хватило всего двух часов. Шесть носителей могли затеряться среди населения, и тогда землетрясение, цунами стали бы лишь началом, а не...

«...пожалуйста, Господи, пусть на этом все кончится...»

— Он захватил подъемник, так как имел властные полномочия. Теперь у него их нет, а у других гелей никогда не было. Мы говорим о коде, который бесполе-

ПРЕЛЮДИЯ

зен для субъектов, лишенных автономии в реальном мире, и который, при отсутствии внешнего толчка, в любом случае самоуничтожится из-за нехватки подкрепления. А что касается землетрясения... — В голосе Мерфи неожиданно появилась непокорность: — Судя по тому, что я слышал, на кнопку нажали далеко не гели.

«Ну, сказано яснее некуда».

Патриция решила не обращать внимания на эту реплику.

— Простите, но вы не убедили меня. В сеть проник план по уничтожению всего мира, а вы предлагаете мне не беспокоиться?

— Именно так.

— К сожа...

— Мисс Роуэн, гели — это по сути большие автопилоты из слизи. Такая система может измерять высоту, оценивать погодные условия, запускать механизм посадки, но это не значит, что она хоть как-то их осознает. Гели не замышляют уничтожение планеты, они даже не знают, что реальный мир существует. Они всего лишь манипулируют переменными. И опасность может возникнуть только в том случае, если один из их выходных регистров окажется связан с бомбой на линии разлома.

— Благодарю вас за оценку. А если вам отдадут приказ вычистить этот мем, как вы поступите?

Элиас пожал плечами.

— Мы сможем выявить зараженные гели путем простого вопроса, поскольку теперь знаем, что искать. Заменим поврежденные на свежие — мы и так по плану должны приступить к четвертой фазе, а новый урожай уже созрел.

— Хорошо,— сказала Роуэн.— Начинайте.

Мерфи уставился на нее.

— Вам что-то не нравится? — спросила Патриция.

— Мы можем это сделать, никаких проблем, но это будет просто потеря... о Господи, да ведь половина Тихоокеанского побережья рухнула в море, и у нас явно есть более...

— Не у вас, сэр. Вы получили задание.

Он отвернулся, вновь скрывшись за невидимой статистикой.

— О какого рода внешнем толчке вы говорили, доктор? — спросила она вслед.

Элиас остановился.

— Что?

— Вы сказали, что он исчезнет «при отсутствии внешнего толчка». Что вы имели в виду?

— Нечто, способное увеличить уровень репликации. Новые данные для усиления мема.

— Какого рода данные?

Он обратил лицо к ней.

— Таких нет, мисс Роуэн. В этом вся суть. Вы ведь вычистили записи, разрушили корреляции, устранили носителей, так?

Роуэн кивнула.

— Мы...

«...убили наших людей...»

— ...устранили носителей.

— Вот и прекрасно.

Она намеренно смягчила тон голоса:

— Пожалуйста, выполните мои инструкции, доктор Мерфи. Я знаю, они кажутся вам несущественными, но лучше принять меры предосторожности, чем попусту рисковать.

ПРЕЛЮДИЯ

На его лице четко отразилось то, что он думал об уже принятых ею «мерах предосторожности». Элиас кивнул и вышел, не произнеся ни слова.

Роуэн вздохнула и ссутулилась в кресле. Перед ее глазами скользнул очередной заголовок: еще четыреста «оводов» удачно реквизированы для очистки Ситэка. Таким образом, число маленьких телеопов между Ситэком и Гонкувером достигло пяти тысяч, и теперь они метались повсюду, пытаясь обнаружить тела, пока тиф и холера не утащат всех на самое дно.

Миллионы погибших. Триллионы ущерба. Она знала, эти потери — ничто по сравнению с альтернативой. Вот только эта мысль не утешала.

На спасении мира висел ярлык с немалой ценой.

ВОЛЬВОКС¹

РУСАЛКА

Тихий океан валился ей на спину. Она не обращала на него внимания.

Он раздавил тела ее друзей. Она забыла о них.

Он выпил свет, ослепив даже ее чудесные глаза. Бросал вызов, побуждал сдаться, включить головной фонарь, словно какому-нибудь инвалиду-сухопутнику.

Она плыла дальше в полной темноте.

Со временем ложе океана поднялось крутым откосом, ведущим к свету. Дно изменилось. Ил исчез под липкими сгустками полупереваренной нефти: огромный всепланетный ковер, под который целое столетие заматали маслянистые разливы. Внизу призраками маячили поколения затонувших барж и рыболовных траулеров, каждый корабль — одновременно труп, склеп и эпитафия самому себе. Она исследовала первый, попавшийся ей на пути, проскользнула сквозь разбитые иллюминаторы, по перевернутым

¹ Род подвижных колониальных организмов, относящихся к отделу зеленых водорослей. Они обитают в пресных стоячих водоемах и при массовом размножении окрашивают воду в зеленый цвет, вызывая ее цветение.

коридорам и как сквозь сон припомнила, что обычно в таких местах скапливалась рыба.

Давным-давно. Теперь остались только черви, задышающиеся двусторчатые моллюски и женщина, ставшая амфибией по воли абстрактного слияния технологии и экономики.

Она не останавливалась.

Света уже хватало на то, чтобы видеть без линз. Океанское ложе подергивалось от движений вялых эвтрофилов¹, созданий настолько черных от гемоглобина, что они могли выжать кислород даже из камней. Застигнутые неожиданным сиянием, они кроваво блестя в краткой вспышке фонаря.

Женщина не останавливалась.

Вода стала настолько мутной, что временами беглянка едва видела собственные ладони. Скользкие скалы, проплывающие внизу, принимали угрожающие формы — скрюченных рук, изогнутых конечностей, зияющих провалами черепов с тварями, корчащимися в глазницах. Иногда слизь казалась на вид чуть ли не плотью.

Когда женщина почувствовала притяжение прибоа, дно сплошь покрывали тела. Они тоже как будто скапливались тут поколениями. Некоторые уже превратились в симметричные пятна водорослей. Другие

¹ Искусственно выведенные придонные растения, борющиеся с антропогенной эвтрофией водоемов, когда в результате высокой концентрации биогенных веществ начинается активное развитие микрофлоры в верхних слоях воды, снижается ее прозрачность, начинается гибель придонных растений, а вместе с ними и гибель всех прочих организмов. На фоне выраженной гипоксии резко снижается количество кислорода в водоемах.

же были достаточно свежими, мерзко раздулись, стремились подняться вверх, борясь с обломками, удерживающими их внизу.

Но ее беспокоили не тела. А свет. Даже отфильтрованный столетиями миазмов, висящих в воздухе, он казался ей слишком ярким.

Океан вытолкнул ее вверх, утянул вниз в ритме, который одновременно слышался и чувствовался. Мертвая чайка, вращаясь, проплыла мимо, влекомая течением, запутавшаяся в моноволокне. Вселенная ревела.

На краткий миг вода перед беглянкой исчезла. В первый раз за год она увидела небо. А потом огромная влажная рука шлепнула ее по затылку, снова ткнув носом в дно.

Она прекратила грести, не зная, что делать. Правда, ничего решать и не пришлось. Бурлящие волны, маршируя к берегу бесконечными серыми рядами, дотащили ее до самого финала.

* * *

Она лежала на животе, задыхаясь, вода вытекала из механизмов в груди: жабры отключались, кишки и воздушные протоки раздувались, пятьдесят миллионов лет эволюции позвоночных сжались в тридцать секунд с легкой руки биотехнологической промышленности. Желудок свело от хронической пустоты. Голод превратился в друга настолько преданного, что она с трудом могла представить его отсутствие. Стянула плавники с ног, поднялась, покачнувшись, когда заявила о себе гравитация. Сделала робкий шаг вперед.

Туманные силуэты охранных башен привалились к горизонту на востоке, сломанными шпильями